

*УДК 130.123*

## **СТРАДАНИЕ И ОДИНОЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕНЫ ПОДЛИННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ**

**Е.Н. Некрасова**

*В данной статье исследуется проблематика страдания и одиночества в экзистенциальном и антропологическом измерениях. Автор делает акцент на тезис о том, что подлинное существование человека немислимо без гнетущих, скорбящих и т.д., т. е. негативных состояний его духа.*

**Ключевые слова:** человек, страдание, одиночество, подлинное существование.

Человеческая жизнь с ее ежедневными и ежегодными малыми, большими невзгодами, с ее обманутыми надеждами, с ее разрушающими все расчеты несчастными случаями, носит на себе явный отпечаток неминуемого страдания. Мы видим это как на примере судьбы отдельного человека, так и трагических перипетий современной цивилизации с её кризисами, войнами, голодающими и т.п.

В предлагаемой статье мы ставим своей целью рассмотреть проблему страдания и одиночества в их антропологическом и экзистенциальном измерениях. Объектом исследования выступает содержание существования человека, которое проблематизируется в современных социокультурных условиях. Новизна авторского подхода заключается в попытке рассмотреть гнетущие, тягостные, негативные состояния человеческого духа в качестве сущностных характеристик подлинно возвышенного образа мыслей и жизни человека в целом.

Благополучие, счастье, здоровье – все это имеет отрицательный характер, только страдания и лишения могут ощущаться нами положительно и от того сами заявляют о себе. Наше существование, замечал Шопенгауэр, счастливее тогда, когда мы его не замечаем; а отсюда следует, что лучше бы не существовать вовсе.

Например, художественная литература, драма и эпос всегда изображают нам одних только борющихся, страдающих и угнетаемых людей, и всякий роман – это панорама, в которой видны спазмы и конвульсии страдающего сердца. Они никогда не изображают окончательного и постоянного счастья. Вся человеческая жизнь качается, согласно Шопенгауэру, между страданием и скукой: желание – страдание, удовлетворение – скука. Что бы ни дала природа, как бы часто ни выпадало счастье, кем бы мы ни были и чем бы ни владели – нельзя избыть присущего жизни страдания. Наши усилия освободиться от него приводит лишь к тому, что страдание меняет свой облик. Сначала это нужда, забота о существовании, потом, если повезет изгнать страдание в этом виде, оно является как половое чувство, страстная любовь, ревность, зависть, гнев, страх, болезнь и т. д. Только редким людям удается достичь стоического равнодушия к страданиям. «... История каждой жизни – это история страданий, ибо жизненный путь каждого обыкновенно представляет собой сплошной ряд крупных и мелких невзгод. ...Ни один человек в конце жизни

никогда не пожелает еще раз пережить ее, если только он разумен и искренен; гораздо охотнее изберет он полное небытие... Поэтому столь часто оплакиваемая скоротечность жизни, быть может, есть самое лучшее в ней» [1, с. 308 – 309].

Люди напрасно ропщут на свои несчастья, ибо считают их случайностями. Но страдание неизбежно, от случая зависит только вид или форма его.

Но, тем не менее, страдание – необходимый фон истинно человеческого существования. Страдания нужны для того, считал Шопенгауэр, чтобы человек сохранял в себе возвышенный образ мысли, направлял их от временного к вечному. «чтобы в нем жило *высшее сознание*, ему необходимы боль, страдание и неудачи так же, как кораблю – отягчающий его балласт, без которого он не измерит глубины, станет игрушкой волн и ветров, не пойдет по определенному пути и легко перевернется» [2, с. 120].

Страдание представляет собой «второе плавание», это суррогат добродетели и святости; просветленные им, мы достигаем, в конце концов, отрицания воли к жизни, возвращаемся с ложного пути, приходим к спасению; именно потому та таинственная власть, которая правит нашей судьбой, считал Шопенгауэр, в народной вере мифически олицетворяемая как провидение, позаботилась бесспорно о том, чтобы причинять нам страдания за страданиями.

Чтобы из твари стать творцом, нужно страдать, страдание – самый быстрый конь, который домчит тебя до совершенства. Страдать, потому что страшно решиться на поступок без всякой гарантии на успех, страшно отказаться от привычной роли, привычных стереотипов, страшно отказаться от самой жизни, потому что жизнью надо рисковать. Либералы, просветители во все века искали пути избавления человека от страданий, но если устранить страдание из человеческой жизни, то это будет уже не человеческая жизнь. Философия всегда ставила своей задачей воспитание страдания, великого страдания – только оно одно возвышало человека.

«... Эти ложно названные «свободные умы», – писал Ницше в работе «По ту сторону добра и зла», – как словоохотливые и борзопишущие рабы демократического вкуса и его «современных идей»: все это люди без одиночества, без собственного одиночества, неотесанные, бравые ребята, которым нельзя отказать ни в мужестве, ни в почтенных нравах, – только они до смешного поверхностны, прежде всего с их коренной склонностью видеть в прежнем, старом общественном строе более или менее причину *всех* людских бедствий и неудач; причем истине приходится благополучно стоять вверх ногами! То, чего им хотелось бы всеми силами достигнуть, есть общее стадное счастье зеленых пастбищ, соединенное с обеспеченностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого; обе их несчетное число раз пропетые песни, оба их учения называются «равенством прав» и «сочувствие всему страждущему», – и само страдание они считают за нечто такое, что должно быть *устранено*. Мы же, люди противоположных взглядов, внимательно и добросовестно отнесиесь к вопросу, – где и как до сих пор растение «человек» наиболее мощно возрастало в высоту, – полагаем, что это случалось всегда при обратных условиях, что для этого опасность его положения сперва должна была разрастись до чудовищных размеров, сила его

изобретательности и притворства (его «ум») должна была развиваться под долгим гнетом и принуждением до тонкости и неустрашимости, его воля к жизни должна была возвыситься до степени безусловной воли к власти: мы полагаем, что суровость, насилие, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытность, стоицизм, хитрость искусителя и чертовщина всякого рода, что все злое, ужасное, тираническое, хищное и змеиное в человеке так же способствуют возвышению вида «человек», как и его противоположность» [3, с. 274 – 275].

Только страдание, великое страдание, воспитание страданием возвышало до сих пор человека, полагал он. То напряжение души в несчастье, которое прививает ей крепость, ее содрогание при виде великой гибели ее изобретательность и храбрость в перенесении, претерпении, истолковании, использовании несчастья, и все, что даровало ей глубину, тайну, ум, хитрость, величие, – все это было даровано ей под оболочкой страдания, под воспитанием великого страдания.

Человек, который глубоко страдал, насквозь пропитан уверенностью, что, благодаря своему страданию он *знает больше*, чем могут знать самые умные и мудрые люди, что ему ведомо много далеких и страшных миров, в которых он некогда «жил» и о которых. Отсюда его духовное высокомерие и брезгливость по отношению к людям поверхностным, людям без глубины, без внутреннего, которое только и образуется за счет страдания.

Тем не менее, страдание нельзя понимать как некое психологическое состояние. Страдание – объективное условие существования человека. Однако, по Ницше, бывает два вида страдания и страдающих. Те, кто страдают от избытка жизни, они превращают страдание в утверждение. А опьянение – в действие. Те, кто страдают от оскудения жизни, превращают опьянение в конвульсию или оцепенение. Для них страдание – средство обвинения жизни, противостояния ей, а также средство оправдания ее. Но жизнь не нуждается в оправдании. Страдание возвышает человека до трагического понимания жизни, но это трагическое, если оно вырастает из страдания от избытка жизни, заключается ни в тревоге, ни в тоске по утраченному единству. Она пребывает, по Ницше, в радости утверждения жизни. «Эта радость – не результат сублимации, очищения, воздаяния, смирения, примирения – в любой теории трагического Ницше может изобличить сущностное непонимание, непонимание трагедии как эстетического феномена. *Трагическое* означает эстетическую форму радости, а не медицинскую формулировку, не моральное разрешение от боли, страха или сострадания. Что трагично, так это радость» [4, с. 63].

Еще одним условием подлинного существования человека является одиночество. Быть одиноким – не результат неудачно сложившейся жизни, но цель. Быть одиноким – значит быть единственным, неповторимым, отвечающим за свою жизнь, значит не быть членом стада, коллектива, общества, человеком массы. Назначение человека – усилием воли или напряжением заполнять оставленную для него пустоту, заполнять своей силой – силой жизни, характера, понимания. Назначение индивидуумов, оно индивидуально и уникально, предполагает только меня, только я могу сделать. Так же, как понимать за меня никто не может. Эту уникальность можно назвать индивидуальным ликом. Достижение такой

индивидуации есть дело, в котором никто никому ничем не может помочь, здесь нет разделения труда, кооперации и помощи. Философия вообще говорит об уникальных состояниях, актах, которые нельзя передать другому, в которых нельзя даже сотрудничать или разделять труд или взаимно друг другу помогать. То же можно сказать о смерти: умираю я, а не Man. Возможен, конечно, диалог, но его возможность обусловлена тем, насколько человеку удастся стать сначала один на один с бытием и быть одиноким. Только из нашего метафизического одиночества можно протянуть руку другому. Но чаще всего путь к этому одиночеству закрыт стихийным круговоротом жизни, в который мы вступаем, не зная ни себя, ни этого круговорота.

Это метафизическое одиночество, потому что никто не может помочь нам встать на определенное место, которое предназначено только для нас и которое есть необходимая составная часть устройства космоса, оно само является условием появления тех или иных культурно-исторических, социальных миров.

Каждой эпохе – свое, отмечал Кьеркегор, и, быть может, наше время состоит не в удовольствии и наслаждении, но в развращающем презрении к отдельному человеку. Все хотят быть вместе, хотят всемирно-исторически обманываться в тотальном. Никто не хочет быть отдельным экзистирующим человеком. Люди боятся, что если они станут экзистирующими людьми, они бесследно исчезнут. Существует, экзистирует только отдельный человек, все остальное абстракция.

Когда Наполеон, писал Кьеркегор, вел свою армию походом в Африку, он напомнил солдатам, что память сорока веков смотрит на них с вершин пирамид. Нет ничего удивительного в том, что в мгновение, когда произносится такое заклинание, самый трусливый солдат преображается, становясь героем! Но мир существует уже шесть тысяч лет, – и это значит, что память этих шести тысяч лет смотрит с небес на отдельно существующего человека, — разве это не воодушевляет! «Однако среди всей бодрости, демонстрируемой родом, легко различимы уныние и трусость, овладевшие индивидом. Подобно тому, как путешествующие в пустыне объединяются в караваны из страха перед разбойниками и дикими зверями, индивиды в нынешнем поколении страшатся существования, поскольку оно богооставлено, – они осмеливаются жить лишь большими толпами и сгущаются вместе en masse, чтобы хоть чего-нибудь да стоять» [5, с. 385].

В классической философии считалось: тот, кто не может возвыситься над своей единственностью, единичностью, над своей «случайной» индивидуальностью – тот и не существует в подлинном смысле слова. У философов была «история вообще», «человек вообще» как воплотившийся дух, но это абстракции, не имеющие ничего общего с жизнью. Еще недавно, писал Л. Шестов, люди строили величественную башню, которая называлась современной культурой, но вдруг разразилась мировая война, и от гордой башни европейской цивилизации остались одни развалины. Человек может построить башню, но до Бога не доберется. «Добраться может только «этот человек»... – тот единичный, случайный, незаметный, но живой человек, которого до сих пор философия так старательно и методически выталкивала заодно со всем «эмпирическим» миром за пределы «сознания вообще» [6, с. 34].

Люди думают, что для того, чтобы быть кем-то, надо жить в больших коллективах. Они сливаются со своим временем, со своим столетием, поколением, с публикой, с массой человечества и мнимое мужество поколения прикрывает действительную трусость индивидов. Отдельное, направленное на себя существование есть исключительная и единственная действительность по отношению к системе, которая все равным образом объемлет и выравнивает отличия (между бытием и ничто, мышлением и бытие, всеобщностью и единичностью) на уровне некоего нейтрального бытия. Оно есть действительность единичного в отличие от исторической всеобщности (всемирной истории и поколения, массы, публики и времени), для которой индивидуум как таковой ничего не значит. Оно есть внутреннее существование единичного по сравнению с внешними отношениями. Оно есть христианское существование перед лицом Бога по сравнению с овнешнением христианства во всемирно-исторически распространившемся христианском мире. Оно есть существование, решающее для самого себя, за оно или против христианства [7, с. 286].

Любая разновидность объединения – в «системе», в «человечестве» и «христианстве» усиливает людей количественно и ослабляет этически. Истинно экзистирующий человек – это, по Кьеркегору, совершенно индивидуальный человек, лишенный себе подобных, и в то же время он – всеобщий человек.

Существовать – это искусство. Это достижение целостной жизни, в которой объединены мысль, страсть, вера, поэзия. Это единая страсть, в которой человек только и чувствует себя живущим, экзистирующим. А вот соединить элементы жизни в некую одновременность—это действительно достойная задача. И подобно тому, пишет Кьеркегор, как странен взрослый человек, который полностью порывает все связи со своим детством и потому может считаться разве что фрагментарным взрослым, также странен мыслитель, отказывающийся от фантазии и чувств, что не менее безумно, чем отказываться от разума» [8, с. 377]

Для отдельного индивида, полагает Кьеркегор, его собственная этическая действительность должна значить больше, чем небо, и земля, и все, что там находится, больше, чем шесть тысяч лет всемирной истории, и даже больше, чем астрология, ветеринарная наука или что там еще востребовано нашим временем. И если индивид не готов к этому – тем хуже для него самого, ибо тогда у него вообще ничего не остается, все остальное дано только как абстрактная возможность.

От воспевания «единицы» (Кьеркегор) до Man (Хайдеггер) – эта линия борьбы со всеобщим выдерживается строго и однозначно: быть одному страшно, опасно, в крайнем случае, рискованно, потому что живешь на свой страх и риск, не ожидая ни подсказки, ни гарантии, что ты прав, что ты не сумасшедший, поскольку все могут быть не правы, а ты один прав. Есть общие правила, стандарты, шаблоны, выполнение которых каждому обеспечивает безопасность, за которые каждый человек может спрятаться как за всеобщее, ценное для всех. «...Еще выше вьется одинокая тропа, узкая и крутая; он знает, насколько ужасно быть рожденным вовне, одиноко выходить из всеобщего, не встретив рядом ни одного путника. ... С человеческой точки зрения он безумен и не может сделаться понятным ни для кого.

И даже эти слова о безумии будут, пожалуй, слишком мягким выражением» [8, с.72].

Человек отличается от прочих живых существ не только совершенствами, которые обычно упоминают, но и превосходством природы индивида, отдельного и единичного, над родом. Вся история – это подчинение всеобщему, и как трудно вырваться назад к единичному! «Вполне *бездарные люди*, – писал Шопенгауэр, – совершенно не могут выносить одиночества; созерцание природы, мира не занимает их. Это происходит оттого, что они всегда имеют перед глазами лишь собственную *волю* и поэтому упускают в предметах все, что не имеет отношения к их воле, их личности» [9, с. 59].

Обычно, рассуждал Кьеркегор, бояться освободить людей, бояться, что произойдет самое худшее, если только людям понравится вести себя как единичным индивидам. Более того, считается, что существовать в качестве единичного индивида – это самое простое, и что именно поэтому приходится вынуждать людей становится чем-то всеобщим. «Я не могу разделить ни этого страха, ни этого мнения, причем по одной и той же причине. Тот, кто узнал, что самое страшное из всего – это существование в качестве единичного индивида, не должен бояться признать, что в этом есть величие, но он должен сказать об этом таким образом, чтобы его слова не оказались ловушкой для заблудшего, они скорее должны помогать ему входит во всеобщее, даже если эти слова уделяют величию совсем немного места. ...Тот, кто действительно внимателен к самому себе и действительно заботится о своей душе, уверен в том, что человек, который под собственную ответственность одиноко живет на свете, живет на деле более сурово и замкнуто, чем девица в своей башне девичества» [8, с. 71].

Если нельзя спрятаться за всеобщее, если надо жить на свой страх и риск, ибо на все случаи жизни и на каждый жизненный путь не подберешь правил и законов, то только такая одинокая, собственная, своеобразная жизнь и может быть жизнью нравственной. Все моральные нормы, полагал Ницше, странны по форме и неразумны – потому что обращаются ко всем, потому что обобщают там, где нельзя обобщать; все они изрекают безусловное и считают себя безусловными; всем им мало для приправы одной только крупички соли. Есть два образа жизни – есть общее стадное счастье зеленых пастбищ, которое доступно «людям без одиночества», с его обеспеченностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого.

А есть образ жизни, связанный с суровостью, насилием, рабством, опасностью на улице и в сердце, скрытностью, стоицизмом, хитростью искусителя и чертовщиной всякого рода, когда все злое, ужасное, тираническое, хищное и змеиное в человеке также способствует возвышению вида «человек», как и его противоположность. Это жизнь человека одинокого, человека, борющегося с самим собой за себя самого. «...Мы прирожденные, неизменные, ревнивые друзья *одиночества*, нашего собственного, глубочайшего, полночного, полдневного одиночества, – вот какого сорта мы люди, мы, свободные умы» [8, с. 276].

Для свободных умов общее благо, по мнению Ницше, – не идеал, не цель, не какое-нибудь удобоваримое понятие, а только рвотное: что справедливо для одного еще не *может* быть справедливым для другого, что требование одной морали для

всех наносит вред именно высшим людям, что есть разница в рангах между человеком и человеком, а, следовательно, между моралью и моралью [10, с. 638-639].

Поскольку человеком владеет постоянное стремление стать бытием, определиться, овеществиться, оставаясь человеком стать полноценной частью объективного мира, или Богом, а это стремление никогда неосуществимо, человеческая реальность является, следовательно, несчастным сознанием по природе, без возможностей выхода из состояния несчастья.

Человека, живущего внутренней жизнью, живущего в своем метафизическом одиночестве, отличает скорбь и грусть – не как возникающие время от времени состояния сознания, а как постоянный и ровный фон существования человека, который понимает, что все радости жизни, в том числе и любовь, мимолетны, что настоящих друзей, с которыми можешь поделиться своими сокровенными мыслями очень мало, что чаще всего тебя окружает равнодушие или даже злоба. Скорбь – это тоже форма страдания, это пустота и одиночество в нашем мире, где умный человек почти никогда не встречается подобного себе, а толчется среди существ, которые на вид сходны с ним, а в самом существенном чужды ему, как это выразил Диоген своим фонарем. Скорбь не всегда имеет конкретный предмет, ее, полагал Шопенгауэр, чувствуешь, как правило, по отношению ко всей жизни в целом, она до известной степени представляет собой некоторое погружение в себя, замкнутость, постепенное исчезновение воли; она исподволь, но в сокровеннейшей глубине, даже подрывает и видимость последней, тело; при этом человек испытывает известное ослабление связей, легкое предчувствие смерти, и оттого такую скорбь сопровождает тайная радость; она именно и есть то, что англичане называли радостью горя.

И эта печаль, простирающаяся на всю жизнь в целом и освобождающая, – одна поистине трагична. Она создает то меланхолическое настроение, при которой человек носит в себе живое внутреннее убеждение в ничтожестве всех вещей, всех наслаждений и всех людей и потому ничего не желает и ни к чему не стремится, а ощущает жизнь как простую тягость, которую необходимо нести до конца, каковой уже не может быть далее, – такая меланхолия, согласно Шопенгауэру, представляет собой более счастливое настроение, чем какое бы то ни было состояние вожделения, когда придаешь цену иллюзии и гонишься за ней, как бы ни было это состояние отраднo.

Шопенгауэру вторил Кьеркегор, когда писал о том, что кроме многочисленных знакомых, у него есть один друг – грусть. Среди шумного веселья и в часы усердной работы он вдруг отзывает его, увлекает в свое уединение, и приходится идти за ним, хотя, в сущности, и не двигаться с места. Никогда сердце мое, писал он, не имело более верного друга – мудрено ли, что я принадлежу ему всем сердцем [8, с. 17].

Одиночество – это покинутость не людьми (что мало огорчало бы мыслителя), «а гениями веселья». «Бывало, они окружали меня со всех сторон, всюду отыскивали себе товарищей, везде ловили для меня случай; сонмы веселых эльфов

толпились вокруг меня, как вокруг пьяного шаловливые школьники, и я улыбался им» [11, с. 26].

Скорбь – это то «жало в плоть», которое делает невозможным счастье, безмятежность, любовь. Все это происходит не потому, что люди, получившие это жало, сознательно избегают счастья, не стремятся жить в простоте и спокойствии обыкновенного человека. Наоборот, они стремятся к счастью, они ищут любви, пытаются схватить, остановить счастливые мгновения, но их руки хватают только воздух. «Люди глубокой скорби выдают себя, когда бывают счастливы: они так хватаются за счастье, как будто хотят задавить и задушить его из ревности, – ах, они слишком хорошо знают, что оно сбежит от них!» [10, с. 397].

### Список литературы

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. Соч.: В 5 т. Т.1. -М., 1992.
2. Шопенгауэр А. Сочинения в 6 т. Т. 6.
3. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2.
4. Делез Ж. Ницше и философия.
5. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». - СПб., 2005.
6. Шестов Л. Власть ключей // Шестов Л. Соч.: В 2 т. Т.1. - М., 1993.
7. Левиг К. От Маркса к Ницше.- М.
8. Кьеркегор С. Страх и трепет.
9. Шопенгауэр А. Сочинения в 6 т. Т. 6.
10. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения. Т.2. С. 276.
11. Кьеркегор С. Афоризмы эстетика // Кьеркегор С. Наслаждение и долг. - Киев. 1994.

#### **Некрасова Е.Н. Страждання й самотність як феномени справжнього існування**

*У даній статті досліджується проблематика страждання й самотності в екзистенціальному й антропологічному вимірах. Автор наголошує на тезу про те, що справжнє існування людини немислимо без гнітючих, скорбних і т.д., тобто негативних станів його духу.*

**Ключові слова:** людина, страждання, самотність, справжнє існування.

#### **Nekrasova E.N. Suffering and loneliness as phenomena of original existence**

*In given article the problematic of suffering and loneliness in existential and anthropological measurements is investigated. The author places emphasis on the thesis that original existence of the person is impossible without oppressing, grieving etc., i.e. Negative conditions of its spirit.*

**Keywords:** the person, suffering, loneliness, original existence.

Поступило в редакцію 11.09.2007